

Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения

К.П. Боришполец

Ключевым вопросом водно-энергетической проблематики Центральной Азии выступает достижение консенсуса относительно баланса между интересами внутрирегионального и трансрегионального водопотребления. Его выработка является условием устойчивого развития центрально-азиатских государств и поддерживается многосторонними организациями в лице ЕврАзЭС и ШОС. Развитие обстановки на «водном направлении» международного взаимодействия в Центральной Азии в 2010 году отмечено рядом важных новых моментов, однако в целом происшедшие подвижки относятся скорее к категории эволюционных, чем радикальных изменений. Сохраняется также ориентация государств региона на привлечение дополнительных ресурсов для преодоления вызовов трансграничного водопользования и экологических рисков.

Водные ресурсы в государствах Центральной Азии распределены, как известно, неравномерно - регион четко делится на богатые водными ресурсами страны (Таджикистан и Кыргызстан) и зависимые от них в поступлении воды Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Если Кыргызстан контролирует бассейн реки Сырдарья, то Таджикистан – Амударья. Сырдарья — первая по длине и вторая по водности река в Центральной Азии. Длина реки составляет 3019 км, площадь бассейна - 219 тыс. кв. км. Основная часть (75,2%) стока Сырдарья формируется на территории Кыргызстана, 15,2% - на территории Узбекистана, 6,9% - в Казахстане и 2,7% - в Таджикистане. Длина другой водной артерии – Амударья, — составляет 2540 км, площадь бассейна - 309 тыс. кв. км. Как и Сырдарья, Амударья в нижнем течении теряет много воды на ирригацию. Основной сток Амударья (74%) формируется на территории Таджикистана, 13,9% - на территории Афганистана и Ирана, 8,5% - на территории Узбекистана.

Объективная нехватка водных ресурсов и конкуренция в сфере водопользования в последние годы приобрели особую значимость. Целенаправленные усилия по разрешению водных проблем в многостороннем формате позволили предотвратить эскалацию локальных конфликтов, но не привели к преодолению основных межгосударственных противоречий по водно-му вопросу, несмотря на проекты его «увязки» с энергетической проблематикой.

Центрально-азиатский водный вопрос имеет и российскую проекцию. Россия как ведущий член ЕврАзЭС и страна, чьи компании планируют крупные гидроэнергетические проекты в Центральной Азии, выступает участником управления региональными водными ресурсами. В целях решения практических задач этого управления, в частности, увязки водноэнергетических режимов бассейнов рек с режимом потребления электроэнергии и инвестициями, дополнительного внимания заслуживают следующие моменты.

Специфика регионального водно-энергетического баланса. Водно-энергетическая про-

блематика центрально-азиатского региона характеризуется высоким конфликтным потенциалом. К настоящему времени в хозяйственный оборот включено до 90% водных ресурсов, которые расходуется главным образом в аграрном секторе. С учетом роста населения, потребность в воде к 2015 году может увеличиться на 20% по сравнению с первой половиной нынешнего десятилетия. Иными словами, в абсолютных показателях водные ресурсы в Центральной Азии в ближайшие годы будут сокращаться, а сохранение современного уровня годового потребления воды в размере 5-6 тыс. литров на человека превратится в невыполнимую задачу. Одновременно, в силу неравномерности распределения формирующих источников, 80% регионального водостока и ряд крупных гидротехнических сооружений сосредоточены на территории Киргизии и Таджикистана. Каждая из этих «горных» стран использует для собственных нужд менее 10% от общего количества воды и стремится к существенным материальным компенсациям со стороны «равнинных» потребителей - прежде всего, Узбекистана и Казахстана. Нарастающая на этой основе конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов трансграничного водопользования тормозит переход к рациональной эксплуатации водных ресурсов.

Гидроэнергоузлы Киргизии и Таджикистана, регулирующие основной режим подачи воды, по-прежнему ориентированы на потребности аграрного сектора соседних стран. Хотя в фокусе главных противоречий регионального водопользования находится Узбекистан, к которому адресованы основные претензии Киргизии и Таджикистана, в сферу конфликтного взаимодействия постепенно «втягиваются» Туркмения и Казахстан, которые стремятся укрепить свой потенциал путем односторонних шагов.

Специфика водно-энергетического баланса Центральной Азии обусловила острые дискуссии относительно введения рыночных механизмов управления региональным взаимодействием на этом направлении. Тем не менее, они не привели к существенному сближению интересов аграрного и энергетического секторов региональной экономики. Пробуксовка достижения договоренностей связана с политическим контекстом профильного диалога. На фоне низкого жизненного уровня населения системный кризис водопользования не рассматривается правящими кругами центрально-азиатских государств как непосредственный вызов политической стабильности.

Гипотетические варианты обострения обстановки в связи с нехваткой воды или электричества традиционно будут «переадресованы» соседним странам. Стратегические риски, в частности: ускоренное истощение всех видов природных источников воды (как наземных, так и подземных), беспрецедентные потери в сфере водопользования (от четверти до половины поступающей в аграрный сектор воды), ухудшающаяся экология (Арал, таяние ледников,

опустынивание, засоление почв), рост цен на энергоносители и некоторые другие проблемы учитываются в системе принятия решений, но носят пока факультативный характер, тем более, что необходимые материальные средства для их преодоления отсутствуют. В целом же по отношению к 2005 году международным оценкам, общие потери всех стран региона, связанные с неэффективным управлением водным потенциалом, составляют 1,7 млрд. долл. или 3% ВВП, что не воспринимается как катастрофический показатель.

Другими словами, современная разбалансированность водохозяйственного комплекса Центральной Азии не испытывает давления временных параметров для достижения урегулирования, и дискуссии по оптимизации регионального водопользования вполне могут продолжаться за пределами краткосрочной перспективы. В то же время состояние хронического дисбаланса регионального водно-энергетического комплекса ведет к ухудшению перспектив разработки соглашений. Нарастающая на его основе конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов центрально-азиатских государств создает предпосылки стихийного расширения эксплуатации водных ресурсов всеми государствами региона и, следовательно, сокращения сроков исчерпания природных источников.

Таким образом, водные ресурсы Центральной Азии формируют комплекс вызовов стратегического и тактического плана, преодоление которых потребует очень больших материальных затрат и принципиального изменения подходов к водопользованию. Пока ситуация продолжает развиваться в режиме «отложенных катастроф», причем возможности торможения кризиса целиком лежат в плоскости управленческих решений. При этом необходимо учитывать, что речь идет не о спектре конкретных противоречий, а о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств.

Различные подходы к интеграционным начинаниям. Энергетика и вода являются активной основой интеграции в Центральной Азии. Межгосударственное сотрудничество в этой сфере выступает необходимым условием повышения продовольственной независимости, энергетической самодостаточности, расширения экспортного потенциала, концентрации инвестиционных ресурсов. Однако решения, достигнутые в рамках ЕврАзЭС о формировании механизма взаимодействия в освоении потенциала Сырдарьи и Амударьи и регулировании водно-энергетического режима этих трансграничных водных артерий, пока полностью не реализованы.

Помимо острой конкуренции по поводу потребления трансграничных водных стоков, существующей между Узбекистаном и Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном, сохраняются разногласия в отношениях Казахстана с Киргизией, Узбекистана с Туркменией, периодически расходятся позиции Киргизии и Таджикистана.

При этом сближение позиций, как это имело место между Казахстаном и Киргизией, а также Узбекистаном и Туркменией, является важным, но не исчерпывающим условием продвижения многосторонних договоренностей. Характерно, что бедные углеводородными ресурсами Таджикистан и Киргизия постоянно демонстрируют готовность резко сократить размеры водостока для нужд земледелия, причем урегулировать очередную виток конфликта удастся только в самый последний момент. В целом, все страны региона предъявляют свои права на воду, которая пока остается бесплатным ресурсом с неурегулированными представлениями о его топливном эквиваленте.

Межстрановые расчеты по энергетическим поставкам выступают самым существенным камнем преткновения при решении водных вопросов, причем особенно жесткую позицию занимает Узбекистан, который с трудом идет на компромиссы со своими соседями. Но в целом противостояние между ключевыми «поставщиками» воды (Таджикистан и Киргизия) и ее основными «потребителями» (Узбекистан, Казахстан и Туркмения) не привели к формированию устойчивых коалиций по водной проблематике, что усложняет ее конфликтную конфигурацию. Особенно тревожным признаком является ориентация стран региона на разные правовые модели регулирования водных ресурсов, акцент киргизской и таджикской сторон на положения Дублинской конвенции 1992 года в противовес принятому на региональном уровне «бассейновому» (интегрированному) принципу, приоритет которого особенно жестко отстаивает Узбекистан.

Вероятность преодоления противоречий между странами Центральной Азии путем многосторонней координации пока остается маловероятной. Достигнуть сбалансированного соглашения при сохранении существующих объемов потребления водных ресурсов невозможно. В то же время любой проект по изменению природных или хозяйственных факторов потребует не только крупных инвестиций, но и, как минимум, трех - пятилетнего срока реализации, в период которого разновекторность позиций центрально-азиатских стран будет сохраняться. При этом существующее положение дел работает преимущественно на интересы Узбекистана и укрепление роли президентской группировки в среде его правящих кругов. В то же время поэтапный путь к более сбалансированному региональному управлению водными ресурсами усиливает внутривнутриполитическое давление на президентские команды Таджикистана и Киргизии.

В *среднесрочной перспективе* противоречия водопользования центрально-азиатского региона сохраняются как политический фактор. Более того, продолжение существующей неопределенности повсеместно подпитывает конкуренцию различных группировок национальных элит. Часть правящих кругов сохраняет иждивенческие настроения по отношению к российским ресурсам.

В то же время усиливаются настроения в пользу поиска внерегиональной поддержки. Другими словами, конфликтные предпосылки водопользования все более тесным образом соединяют внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы развитию в Центральной Азии.

Несмотря на изложенные выше трудности объективного и субъективного характера, в последнее время предпринимаются важные практические шаги, обсуждаются крупные планы, активизируются каналы международного сотрудничества, высказываются опасения относительно появления «новейших» осложнений. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые, по-видимому, окажут влияние на региональные процессы начала нового десятилетия:

1. *Усиление разногласий между Таджикистаном и Узбекистаном относительно строительства гидроэнергетических и гидротехнических сооружений.* В их основе лежат традиционные противоречия между стремлением «горных» стран региона (Таджикистан и Киргизии) увеличить потребление водных ресурсов, формирующихся на их территории, развивать производство электроэнергии, ориентированное на трансграничный экспорт, строить новые крупные энергетические объекты и желанием «равнинных» государств сохранить режим преимущественно аграрного типа сработки плотин и водохранилищ Центральной Азии. Хотя в 2010 году Киргизия по объективным причинам отошла от активного участия в региональных водных спорах, общая напряженность ситуации заметно усилилась. Дополнительную остроту ей придали не только прогнозы относительно малоснежной зимы, и, следовательно, вероятно засушливого лета 2011 года, но и шаги ряда центрально-азиатских стран по «приватизации» региональных водных ресурсов, сопровождавшая их жесткая пропагандистская кампания и активные попытки каждого из участников добиться широкой международной поддержки.

В фокусе разногласий по водной проблематике вновь оказался проект таджикского правительства по строительству Рогунской ГЭС, который в последнее время приобрел значительное ускорение, был подкреплен результатами солидной экологической экспертизы международного уровня и решительными действиями президента Э. Рахмона по привлечению населения к финансированию «большой стройки». Что касается узбекского руководства, резко выступающего против планов наращивания гидроэнергетического потенциала соседней страны, то, помимо случаев установления фактической транспортной блокады Таджикистана (особенно в весенне-летний период)¹, оно создало по течению Сырдарьи ряд накопительных водных резервуаров. Ташкент вместе с тем стал активно продвигать идею строительства малых гидроэлектростанций в Центральной Азии², а также усилил внимание к модернизации оросительных систем на своей территории. Так, в последние два года Узбекистан направил 483

млн. долл. на мелиорацию земель, а с осени 2010 г. начал осуществлять интенсивные гидрологические исследования³. В целом в настоящее время в Узбекистане реализуются 100 проектов по строительству новых и капитальной реконструкции действующих мелиоративных объектов⁴.

Состоявшиеся подвижки пока вряд ли внесут кардинальные изменения в водный вопрос. Несмотря на узбекское давление, стратегическая линия Таджикистана по Рагуну остается в силе. Позиции таджикской стороны во многом объясняются еще и тем, что значимая для нее ГЭС «Сангтуда-2», строящаяся при финансовом участии Ирана, из-за транспортных сбоев не будет сдана ранее 2012 года. Хотя совместное российско-таджикское предприятие ОАО «Сангтудинская ГЭС-1», созданное в феврале 2005 года на реке Вахш, к осени 2010 г. выработала свыше 3,8 млрд. кВт-ч электроэнергии, Таджикистан неизменно заявляет о жизненной необходимости увеличения своих энергоресурсов. Такая необходимость вполне наглядно подтверждается отсутствием примерно у миллиона граждан страны доступа к электроэнергии и постоянными отключениями энергоснабжения, вызванными нехваткой действующих мощностей.

Поэтому жесткая позиция президента И. Каримова, направленная на сохранение использования Узбекистаном примерно 56% регионального водостока, способна лишь отчасти затормозить роугунский проект. Одновременно она порождает и новую волну критики, например, на основе расчетов, указывающих на «присвоение» Узбекистаном дополнительных объемов воды, поступающей в Арал, обвинений во враждебной пропаганде и искажении фактов, указаний на нарушения интересов Казахстана и Туркмении. Рациональные развязки конфликтного узла лежат скорее в иной плоскости узбекско-таджикского «водного» диалога. На встрече президентов И. Каримова и Э. Рахмона, состоявшейся 11.06.2010, в преддверии саммита глав государств-членов ШОС в Ташкенте, часть спорных проблем между Таджикистаном и Узбекистаном удалось урегулировать⁵, но необходимы и дальнейшие шаги, в частности, по согласованию объемов водозабора на 2011 г., проведению комплексных совещаний технических специалистов, регулярных встреч экспертов.

2. *Рост значимости экологического компонента в контексте водного вопроса.* Связь водного вопроса и состояния региональной природной среды во всей полноте была признана на самом высоком международном уровне. В ходе своего апрельского 2010 года визита в Центральную Азию Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун высказался за проведение независимой экспертизы проекта строительства Роугунской ГЭС, а к осени был определен международный консорциум для проведения ТЭО Роугунской ГЭС, который возглавила французская компания Coyne et Bellier Consulting Engineers. При этом финансирование экспертизы и ТЭО взял на себя Всемирный Банк.

Экологические моменты регионального водного хозяйства подробно рассматривались и в ходе двух представительных международных конференций:

- душанбинской (июнь 2010) «Международной конференции высокого уровня по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода выполнения Международного десятилетия действий "Вода для жизни", 2005-2015 г.г.»;
- и ташкентской (ноябрь 2010) по теме «Трансграничные экологические проблемы Средней Азии: применение международных правовых механизмов для их решения».

Однако конфронтационные издержки на экологическом направлении еще далеко не исчерпаны. Например, констатация Декларации ташкентской конференции о том, что «государства региона должны стремиться к трансграничному сотрудничеству в соответствии с ключевыми документами международного права, в том числе конвенциями ООН "По охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер" (1992 г.) и "О праве несудоходных видов использования международных водотоков" (1997 г.), определяющими основные принципы использования трансграничных рек и в пределах своей соответствующей территории должны использовать трансграничные реки справедливым и разумным образом, не допускать нанесения ущерба другим государствам водотока, не было доведено по прямым каналам до сведения таджикского руководства. Более того, Таджикистан вообще не получил официального приглашения для участия в работе конференции. Трудно установить, делалось ли это специально или такое приглашение где-то затерялось в организационных лабиринтах, но «разведение» экологических проблем центрально-азиатского региона и их изучение по разным площадкам вряд ли способно дать конструктивные результаты.

3. *Усиление интернационализации региональной водной проблематики.* Водные ресурсы Центральной Азии почти два десятилетия являются предметом международного сотрудничества в его различных форматах. Отличительной чертой последнего времени стало расширение спектра внешнеполитических партнеров центрально-азиатских стран, активно подтвердивших свой интерес к региональному водопользованию. Крупным внешним донором, выступила, в частности, Япония, предоставившая более полумиллионный (в долларовом исчислении) кредит для обеспечения жителей узбекского Приаралья и Ферганы питьевой водой. Заметными событиями в этой сфере также стали:

- декабрьская (2010 г.) встреча президентов Э. Рахмона и Х. Карзая, состоявшаяся в Анкаре;
- таджикско-афганское соглашение об обмене водными ресурсами на территориях, расположенных по реке Пяндж (зона Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и афганской провинции Бадахшан).

Вместе с тем следует отметить, что южный вектор международного взаимодействия по центрально-азиатской водной проблематике далеко не однороден. В начале прошлого лета в Пакистане была создана представительная по составу Рабочая группа по спасению Арала и рациональному использованию трансграничных рек в Центральной Азии и Казахстане. И хотя пакистанская позиция пока только формируется, она в целом, близка к представлениям Узбекистана о недопустимости строительства мощных гидросооружений на трансграничных реках, так как это нанесет ущерб экологии не только стран акватории Аральского моря, но и всего субрегиона. Узбекская линия по противодействию таджикским гидроэнергетическим проектам нашла отражение и в ходе декабрьских официальных консультаций между Узбекистаном и Сингапуром, а также Узбекистаном и Таиландом. Узбекской стороне удалось добиться поддержки в том, что касается признания важности решения водно-энергетических проблем в регионе на основе консенсуса всех стран, вовлеченных в трансграничную проблематику, проведения экспертиз с привлечением международных независимых экспертов.

Таким образом, в последнее время главные региональные участники спора по центрально-азиатскому водопользованию в лице Таджикистана и Узбекистана еще раз подтвердили на международном уровне свою приверженность не разделяемым другими государствами региона подходам к решению возникающих проблем. Если Таджикистан видит рациональные развязки сквозь призму термина «эффективность», под которым он понимает существенное перераспределение формирующегося на его территории регионального водостока, то ключевым в позиции Узбекистана остается слово «консенсус», предполагающий сохранение сложившегося положения дел. Гипотетически факт организации независимой международной экспертизы Рогуна должен содействовать сближению узбекской и таджикской позиций, однако нельзя исключить и вероятность того, что результаты экспертизы не устроят обе стороны. В общем, усиление интернационализации региональной водной проблематики Центральной Азии может стать не столь динамичным процессом, как это пока представляется.

4. *Аральское море: первые успехи на фоне хронических трудностей.* Сегодня проблема Арала связана не только с рациональным использованием региональных водно-энергетических ресурсов, прежде всего, таких основных водных артерий Центральной Азии как Амударья и Сырдарья, но и эффективности проектов по преодолению катастрофического обмеления этого водоема. В Аральском море, которое еще совсем недавно было четвертым по величине озером в мире и славилось богатейшей фауной, объем воды сократился более чем в 13 раз. Аральское море стало настоящим символом экологического коллапса, как следствия безответственного использова-

ния природных ресурсов. При поддержке международных структур Казахстан и Узбекистан реализуют массированные, хотя и различные по результативности проекты реабилитации северного и южного сегментов Арала. Так, Узбекистан делает главную ставку на локализацию аральской катастрофы, защиту уцелевшего генофонда Приаралья⁶, а Казахстан - на интенсивное обводнение крупных участков морской поверхности и восстановление водного зеркала в северной части бывшего моря, отделенного специальной защитной дамбой.

Необходимо отметить, что две первые попытки, предпринятые казахской стороной в 90-е годы XX века на этом направлении, не увенчались успехом. Однако в середине нынешнего десятилетия, благодаря крупной финансовой поддержке Всемирного банка, выделившего для этой цели более 80 млн. долл., плотина была достроена. К настоящему времени в северном, так называемом Малом Арале, восстановились практически все виды промысловых рыб, соленость воды существенно снизилась, а население постепенно возвращается в места традиционного проживания. Важным показателем положительной динамики обводнения казахстанского сегмента Арала стало увеличение за последние пять лет более чем в три раза добычи рыбы⁷.

В декабре 2010 года на очередной Координационной конференции доноров в Алматы была одобрена Третья программа бассейна Аральского моря на 2011-2015 годы (ПБАМ-3)⁸. На ней были приняты новые организационные и финансовые ориентиры по улучшению социально-экономической и экологической ситуации в бассейне Арала и подтверждены четыре приоритетных направления деятельности:

- продвижение интегрированного управления водными ресурсами,
- улучшение охраны окружающей среды;
- внесение вклада в социально-экономическое развитие региона;
- совершенствование институционально-правовых механизмов.

Координационная конференция объявила о выделении на международные и национальные программы по Аральскому морю в ближайшие 5 лет более 10 млрд. долл. Указанная сумма складывалась из примерно 1 млрд. долл. внешних донорских средств и 9 млрд. долл., выделяемых из бюджетов приаральских стран. Она в 5 раз превышала все то, что было выделено в рамках первого и второго этапов ПБАМ в истекшем десятилетии⁹. Первые зримые результаты по преодолению Аральской экологической катастрофы обнадеживают, но они не должны внушать излишнего оптимизма. Тем более, что, по мнению авторитетных западных экспертов, судьбу Арала может повторить озеро Балхаш, а всей ирригационной системе центрально-азиатских стран необходима существенная модернизация¹⁰;

5. *Неопределенность китайского вектора водохозяйственного взаимодействия.* Развитие

ситуации в зоне Центральной Азии постоянно демонстрирует рост значимости КНР как участника всех региональных процессов. Основные форматы и направления его влияния определяются в контексте как двустороннего, межстранового, так и многостороннего, в рамках ШОС, сотрудничества. Характерным является устойчивый рост внешней торговли, успешное развитие энергетических проектов, расширение коммуникационных связей.

Менее известным и, вероятно, поэтому вызывающим беспокойство ряда экспертов, остается вопрос китайской позиции относительно трансграничного водопользования. Некоторые из них полагают, что все возрастающая эксплуатация Китаем трансграничных рек уже сегодня серьезно ущемляет экологические и экономические интересы России и Казахстана. Они ссылаются, в частности, на то, что в истекшем десятилетии для нужд промышленных объектов, возведенных в Синцзянь-Уйгурском автономном районе КНР, через специально построенный канал изымалось 10-15% водостока верховья Иртыша, а к 2020 году этот показатель планируется довести до 25% (2,5 км³). Указывается также, что общая пропускная способность канала позволяет увеличить водозабор в четыре раза, причем аналогичные планы существуют и по эксплуатации ресурсов реки Или. Водозабор из этой реки в Китае составляет 3,5 км³ в год, и в перспективе он возрастет до 5 км³.¹¹

Алармистские настроения по поводу перспектив китайской вовлеченности в водохозяйственную деятельность центрально-азиатской зоны высказываются уже достаточно давно. Однако в последнее время они практически сошли на нет, и в этом смысле оказались «синхронизированы» с ослаблением интереса к пресловутому проекту поворота сибирских рек. То, что китайский вектор вновь был обозначен в профильных материалах как предмет озабоченности, указывает не столько на конкретные вызовы, сколько на необходимость дополнительной проработки всего круга вопросов, связанных с международными перспективами трансграничных водных ресурсов Центральной Азии.

Препятствия на пути принятия стратегических решений. Опыт многостороннего сотрудничества в вопросах водопользования центрально-азиатских стран носит противоречивый характер. Часть экспертов полагает, что ряд вопросов в отношении справедливого раздела водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии уже решены в двустороннем порядке, а решения других в недалеком будущем будет достигнуто в рамках ЕврАзЭС. Однако спектр проблем, которые нуждаются в сбалансированном регулировании, как и список невыполненных решений, остаются без кардинальных изменений.

Наметившиеся в последнее время перспективы расширения профильного сотрудничества центрально-азиатских стран по линии ЕврАзЭС сложны в плане практической реализации. К чи-

слу их уязвимых моментов следует отнести: во-первых, попытки достигнуть жесткого нормативного регулирования всего комплекса вопросов создания регионального водно-энергетического баланса; во-вторых, высокую степень ориентации на представления крупного бизнеса об оптимизации своего участия в реализации проекта. В этой связи правящие круги центрально-азиатских государств опасаются превращения в сугубо виртуальных распорядителей водно-энергетических ресурсов, которые будут регулироваться наднациональными органами и организациями.

Кроме того, развязки, предлагаемые в формате технократического решения, не учитывают многие актуальные внутривластные риски, с которыми сталкиваются центрально-азиатские лидеры. В каждой из стран Центральной Азии сложились группы интересов, делающих ставку на получение чисто корпоративных преимуществ как в нынешних условиях, так и в процессе интеграционных изменений. Это обстоятельство, наряду с недостаточной подготовленностью профильных учреждений, сохранится на протяжении длительного времени. Несмотря на жесткость административной вертикали, многосторонние компромиссные договоренности президентских команд будут вызывать недовольство со стороны «среднего звена» правящих кругов и проецироваться на клановую конкуренцию в высших эшелонах власти.

Соблюдение квот, расценок и сезонных схем регионального водопользования оказывается, таким образом, в зависимости не только от технических противоречий перехода к рыночным расчетам за воду и топливо, но и от баланса внутривластных сил в каждой из центрально-азиатских стран, прежде всего в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В случае активизации действий по достижению многосторонних договоренностей в особенно сложном положении может оказаться «ташкентская группировка» в руководстве Узбекистана, на которую опирается один из перспективных приемников И. Каримова.

К трудностям многостороннего регулирования центрально-азиатского водопользования следует отнести и различия в представлениях внешнеполитических партнеров стран Центральной Азии о направлениях инвестиционной поддержки. Инвестиционные проекты, предлагаемые по линии США и ЕС, не отражают потребностей выстраивания «горизонтальных» торгово-экономических связей между соседними странами, и в среднесрочной перспективе ведут к усилению дифференциации национальных стратегических интересов государств центрально-азиатского региона.

Трудности, характерные для проведения стратегической линии ЕврАзЭС в сфере водно-энергетического баланса Центральной Азии, носят долговременный характер. Более того, многие связанные с ними вызовы возникнут в повестке дня и в случае активизации поисков многосторонних договоренностей в формате ШОС. Тем

не менее, инициатива И. Каримова, выдвинутая им на Бишкекском саммите ШОС (2007), во-первых, существенно продлевает состояние status quo в водном вопросе, а, во-вторых, переводит гидроэнергетическую проблематику в плоскость преимущественно национального регулирования. Новая переговорная площадка с участием Китая позволяет расширить спектр источников материальных средств для модернизации ирригационных систем центрально-азиатских стран.

С одной стороны, усиливаются предпосылки сдерживания экстенсивного роста регионального водопользования, а с другой, - весомость аргументов в пользу консервативных вариантов перевода гидроэнергетики «горных стран» на экспортные рельсы. Однако рост вовлеченности ШОС в процессы установления водноэнергетического баланса центральноазиатского региона не является решающим шагом к достижению стратегического прорыва. Ориентация правящих кругов и экспертного сообщества стран Центральной Азии на разные правовые модели регулирования трансграничного водопользования остается формальным и неформальным препятствием для достижения многосторонних договоренностей в краткосрочной перспективе.

Водный вопрос остается сегодня важным и очень сложным явлением внутривосточной жизни и международного сотрудничества стран центрально-азиатского региона. В целом подвижки, которые произошли здесь в истекшем году,

относятся скорее к категории эволюционных, чем радикальных изменений. Они ориентированы на привлечение дополнительных ресурсов для преодоления вызовов и рисков трансграничного водопользования, экологической катастрофы Арала, предотвращения кризиса озера Балхаш, поддержания в рабочем состоянии гидротехнических сооружений, улучшения водо- и энергообеспечения населения. Все эти моменты создают предпосылки для конструктивного международного сотрудничества. Тем более, что, как показали события 2010, тенденции «приватизации» региональных водных ресурсов ни в одном из гипотетических вариантов не получили значительного развития.

Borishpoletz K. Hydro-Energy Problems in Central Asia Region. Role of EuAsEC and SCO in its solution.

Summary: Key issue in hydro-energy discrepancies in Central Asia region is the balance between interests of agrarian and energy water consumption. Efforts for achievement of consensus in this sphere, which forms the basis for sustainable development of the Central Asia states, is supported by multilateral organizations such as EurAsEC and SCO. In 2010 developments at this direction are marked by several important events, however they are considered to be rather evolutionary, than radical. There is also a tendency for seeking additional recourses to be attracted for overcome challenges in trans-border water consumption and ecological risk.

Ключевые слова

Центральная Азия, ЕврАзЭС, ШОС, водно-энергетические ресурсы, водно-энергетический баланс, региональное водное сотрудничество, Аральское море, экология.

Keywords

Central Asia, EurAsEC, SCO, hydro-energy resources, hydro-energy balance, regional cooperation, Aral Lake, ecology.

Примечания

1. Примов А.Таджикско-узбекский водный спор становится транспортным. URL: <http://www.regnum.ru/news/1343164.html-03.11.2010>
2. Узбекистан предлагает перейти к строительству малых ГЭС в странах Центральной Азии URL: <http://www.regnum.ru/news/1327256.html-20.09.2010>; В Узбекистане будет построена новая малая ГЭС на реке Эрташсай в Ташкентской области. URL: <http://www.regnum.ru/news/1333635.html-08.10.2010>; Узбекистан выступает за строительство малых ГЭС в Центральной Азии. URL: <http://www.regnum.ru/news/1333640.html-08.10.2010>
3. URL: <http://www.regnum.ru/news/1336655.html-16.10.2010>
4. URL: <http://www.regnum.ru/news/1323802.html-09.09.2010>
5. В частности, была достигнута договоренность о пропуске на территорию Таджикистана продовольственных, горюче-смазочных и иных народнохозяйственных грузов, не предназначенных для строительства Рогунской ГЭС, в том числе по железнодорожной ветке Термез - Амузанг - Кургантюбе. По остальным деталям затронутых проблем стороны условились продолжить контакты с целью обеспечения открытости и транспарентности этого процесса. Источник: Президенты Таджикистана и Узбекистана обсудили проблемные вопросы взаимоотношений двух стран. URL: <http://www.regnum.ru/news/1292787.html-10.06.2010>
6. В частности, на смягчение аральской катастрофы за последние десять лет Узбекистан затратил свыше одного млрд. долларов. В рамках программы действий по охране окружающей среды на 2008-2012 годы Узбекистаном ведутся работы по закреплению подвижных песков на дне Арала, что позволяет использовать эти территории в качестве пастбищ. Кроме того, в дельте Амударьи на сегодняшний день созданы локальные водоемы и несколько десятков рыбопромысловых хозяйств. В 2009 году И. Каримов предложил концепцию Программы деятельности стран участников Международного Фонда Спасения Арала на период 2011-2015 годов, предполагающую более широкое вовлечение мирового сообщества в решение проблем бассейна Аральского моря. Источник: URL: <http://www.regnum.ru/news/1337552.html-19.10.2010>
7. Ли Ю.Рыбные дни наступили. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1294317720-06.01.2011>
8. Программа бассейна Аральского моря (ПБАМ) является единственной долгосрочной региональной программой, направленной на устойчивое развитие, совершенствование управления водными ресурсами и охрану окружающей среды. Она состоит из национальных и региональных проектов. Одновременно ее характеризуют и как положительный пример превентивной дипломатии, который позволяет сторонам общее поле для деятельности по укреплению региональной стабильности.
9. Подробнее см.: URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1292832060>
10. Подробнее см.: Озеро Балхаш через 20 лет может повторить судьбу Арала. URL: <http://www.regnum.ru/news/1337557.html-19.10.2010>
11. Подробнее см.: Кочетов Д. Водные войны: в поиске союзников. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1290181380-19.11.2010>; Самарин Е. «Водные войны» не за горами? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1290721320-25.11.2010>